

ЭКСТРЕМИЗМ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Экстремизм как крайне агрессивная форма поведения не является сегодня каким-либо идеологически однородным политическим течением. В этом смысле можно говорить о гетерогенном содержании этого феномена, включающего т.н. «социальные продукты» общества модерна и постмодерна, с одной стороны, и традиционалистских социокультурных элементов – с другой.

Ключевые слова: экстремизм, агрессивная форма поведения, конфронтации различных типов сознания, антропологические и ментальные факторы, болезненные этнофобии, агрессивность, политическую апатию, бунтарство.

«Столкновение между современным исламом и неолиберализмом...является столкновением двух универсалистских картин мира, приобретающим обостренно экстремистскую форму конфронтации различных типов сознания, диаметрально противоположных по ценностным установкам, но на удивление единых в агрессивно-эпатажной манере демонстрации своих убеждений», – отмечают исследователи этой проблемы из Новосибирска. То есть неолиберальный универсализм, как главная идея американского глобализма, противостоит т.н. радикальному исламу.

При этом современная трактовка западно-центристской системы ценностей декларирует и реализует по сути нормы антихристианской морали (однополюе браки, отрицание гендерных различий, ювенальная юстиция и другие метамор-

фозы «свободы» и «политкорректности»). Таким образом, мир переживает не только финансово-экономический кризис, но и нравственную и духовную трансформацию, которую многие воспринимают как моральную и гуманитарную деградацию, что приводит к мощному сопротивлению социокультурных общностей, особенно ориентирующихся на традиционные ценности.

Возникали случаи, когда политика какого-либо государства по тем или иным причинам становилась экстремистской по отношению к другим странам или по отношению к определенным группам внутри страны. Как считает Бауман, реформация международных отношений и создание ООН не стали прививкой от тех страшных событий, которые могут быть запущены в современном обществе. «В вопросах этики и морали положение отдельного человека в современном государстве, – отмечает он, – в принципе почти не отличается от положения узника в Освенциме: либо ты ведешь себя в соответствии с господствующими нормами поведения, либо рискуешь испытать на себе наказание, которое оно может придумать». Это особенно зримо проявилось в политике вмешательства одних государств в дела других, которые объявлялись «преступными режимами». Актуальность данной проблемы находит свое подтверждение и в дискурсе глобализации, которая рассматривается отдельными авторами как «победное шествие ценностей либеральной демок-

ратии» . Однако, как подчеркивает А.С. Богатуров, идея либеральной демократии нередко подменяется идеей демократической войны и произвола во имя демократии. А также, невзирая на принципы различных деклараций, в число универсальных «по умолчанию» часто уже не включаются такие «традиционные» ценности, как международный мир, международная стабильность, экономические, социальные и культурные права и даже человеческая жизнь. По мнению авторов монографии «Универсальные ценности в мировой и внешней политике», попытки навязывания «урезанных» универсальных ценностей в их сугубо западном, либеральном прочтении встречают сопротивление со стороны незападных культур. Например, бывших премьер-министров Сингапура – Ли Куан Ю и Малайзии – Махатхир Мохамад, которые выдвинули идею «азиатских ценностей», основанных на приоритете коллективного над индивидуальным и на первостепенности таких прав, как право на жизнь, экономическое, социальное и культурное развитие. А в Декларации о правах и достоинстве человека, принятой X Всемирным русским народным съездом, также подчеркивается: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это вера, нравственность, святости, Отечество... Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями. Что же касается исламской доктрины, – считают авторы, – она также может быть интерпретирована не столько как свидетельство культурной исключительности, сколько как система ценностей, альтернативных западным представлениям о наилучшем общественном и политическом устройстве . Таким образом, рассматривая проблемы противодействия идеологии экстремизма в информационном пространстве поли-

этнического социума , необходимо учитывать ситуацию ценностных расколов, которая проявляется во взаимных обвинениях, в радикальных идеологических устремлениях и приводит не только к информационному противоборству, но и к ожесточенной информационной войне, которая может предварять реальные вооруженные конфликты.

В этой остро противоречивой системе координат Россия, являясь полиэтническим и поликонфессиональным обществом на протяжении вот уже третьего десятилетия, пытается найти свое место в мировом сообществе: первоначально, в 90-е годы, делая ставку на неолиберальные реформы «западного образца», а в 2000-е, переходя к «смешанной» форме прагматически-реалистической политики евразийства и поиску путей либерального консерватизма («консервативной модернизации») и формированию общероссийской идентичности всех граждан, независимо от этнической принадлежности. Однако процесс укрепления государственности и социокультурной целостности России сопровождается попытками антироссийских сил дестабилизировать обстановку внутри страны и на постсоветском пространстве при помощи разжигания межнациональной и межконфессиональной розни, поддержки неправительственных организаций, ориентирующихся на радикальные, противозаконные методы политической борьбы и воздействуя на общественное сознание информационно-пропагандистскими средствами.

В информационную эпоху появляются новые вызовы и угрозы, связанные с возможностями распространения экстремистских идей и идеологий. Эксперты говорят о формировании «экстремизма нового типа» – «информационного идеологического радикализма» и «информационного терроризма», а также феномене «сетевой войны». В этой связи

актуальным становится теоретико-методологическое обоснование основных научных концептов и эмпирических методов исследования проблемы распространения экстремизма в политико-информационном пространстве и разработка технологий противодействия идеологии экстремизма в процессе обеспечения региональной безопасности Юга России на основе выявленных информационных угроз в политико-информационном пространстве. С целью повышения гражданской активности и самосознания молодежи в сфере борьбы с проявлениями экстремизма в Кубанском госуниверситете были созданы исследовательские группы (молодые преподаватели, студенты и аспиранты базовой кафедры ЮНЦ РАН), а затем и лаборатория политического анализа и конфликтологической экспертизы проблем национальной и региональной безопасности, одной из задач которой является мониторинг информационного пространства на предмет выявления экстремистских идей и материалов, которые носят деструктивный характер и способствуют формированию экстремистских настроений.

Основными методами исследования являются: контент-анализ, экспертный опрос, дискурс-анализ, анкетный опрос, статистический анализ и когнитивное картирование. Широта аудитории сетевых сообществ демонстрирует вовлеченность масс в процесс интеракции в рамках того или иного тематического дискурса. Как отмечает Г. Кёхлер, «с появлением Интернета началась эра коммуникаций в массовом обществе, где решающим политическим фактором стала виртуальная толпа (или «цифровая толпа»). Психология масс не может игнорировать всепроникающие эффекты, которые новые социальные медиа оказывают практически на все аспекты жизни»¹.

1 Экстремизм как цивилизационный вызов. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 11.

В процессе разработки технологий противодействия идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве современного общества необходим учет антропологических и ментальных факторов возникновения и распространения экстремистских идеологий. Рассмотрение идеологии экстремизма как специфической формы мировоззрения предполагает выявление глубинных истоков и причин возникновения экстремистского сознания с точки зрения его природы. Одной из имманентных характеристик феномена экстремистской идеологии является ее общественная опасность и социально-психологическая обусловленность антропологическими факторами естественных различий и неравенства индивидов, а также групп специфической идентичности (демографической, расовой, этнической, территориальной, ментальной, разнообразных стилей мышления, перцепции и апперцепции, темперамента и психологических типов поведенческих моделей, экзистенциального мировосприятия и коммуникативного опыта). Все эти социальные и антропологические признаки могут становиться предпосылками формирования идеологических предпочтений, в том числе и фрустрационно агрессивных типов.

Рассматривая антропологические и ментальные факторы экстремистских идеологий, необходимо учитывать появление такой новой научной области знания как биополитика. Это направление связывает естественнонаучные и социальные подходы в рамках одной, описывающей политику концепции. По оценке американского политолога Р. Мастерса, «в биологии, как и в политологии, по преимуществу исследуются меняющиеся во времени популяции организмов, сложные системы с механизмами саморегуляции, обратными связями, потоками информации и т.д. Существует и оп-

ределенное родство методов изучения: к примеру, это телеологический способ исследования этих систем, отсутствие возможностей использовать результаты полностью контролируемого эксперимента и т.д.»¹. Антропологические факторы агрессивного сознания обусловлены природой и эволюцией различных форм социальности, коммуникативных практик, иерархии, подчинения и санкций. Рассмотрение политического процесса как взаимодействия индивидов, изначально детерминированного витальными потребностями людей, показывает, что борьба за власть и установление определенного порядка санкционированного нормами в параметрах артикуляции влиятельных субъектов силы изначально создает антропологические основания возникновения артикуляций протеста той или иной степени агрессивности и деструктивности по отношению к господствующим в данном социуме отношениям. Имманентное природное неравенство людей является антропогенным фактором возникновения идей насилия. С точки зрения В.И. Красикова, антропологические факторы экстремизма основываются на трех формах природных различий: между женщинами и мужчинами, между этническими группами и между поколениями. Влюбом этносе определенная группа, как правило, позиционирует себя с позиций радикального национализма. В каждом этносе проявляется т.н. этноцентризм – свойство судить о чужой культуре с позиций своей собственной, убеждение, что стиль жизни, провозглашаемые ценности и нормы у данного народа самые прогрессивные и полезные для жизни, а у других народов подчеркиваются отсталость и негативные черты. Эти взгляды артикулируются прямо, косвенно или маскируются, но, к

сожалению, всегда в той или иной форме присутствуют в информационном пространстве. А это, в свою очередь, порождает ответную экстремистскую систему взглядов и высказываний, которая приводит к состоянию этноидеологического конфликта, постоянно воспроизводящего напряжения в информационном пространстве. Стремление к этнической мобилизации во «враждебном окружении» вызывает активизацию т.н. оборонительных и наступательных, превентивных, упреждающих и ответных информационных действий. В многонациональных государствах это может привести даже к внутренней информационной войне, хотя к межгосударственному информационному противоборству все уже привыкли и не считают это из ряда вон выходящим событием. Как правило, этносы в состоянии природного неравенства индивидов воспринимают свое положение как состояние угнетения другим этносом, особенно если действительно были исторические прецеденты, или наличествуют аргументы в пользу этого в реальной действительности.

Конфликтологическая парадигма в поисках технологий противодействия экстремизму чаще всего исходит из того, что в основе экстремизма лежит очевидное несоответствие когнитивных установок и поведения субъекта с внешними требованиями, предъявляемыми к нему средой. Это социологическое понимание предполагает такую коррекцию поведения индивида, при которой у него будут сформированы когнитивные схемы адекватные общественным запросам². Одновременно мы понимаем, что установки субъекта должны содержать элемент насилия, чтобы мы правомочно определили их как экстремистские.

Конечно, коррекция должна быть

1 Бжезинский З. Большая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

2 Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. С. Кастальского и М. Рудакова. М.: Европа, 2010. С. 108.

превентивна, до того как субъект оказался вовлечен в экстремистскую деятельность. Если в обществе сформировалась ситуация, при которой стало возможно существование экстремистских группировок, то необходимо провести тщательный анализ причин, по которым часть граждан видит возможность реализации своих потребностей в совершении противоправных действий, и в том числе, нам нужно понять, какие потребности сформировались у этих людей под влиянием экстремистской идеологии.

Важнейшим политическим ресурсом обеспечения национальной и региональной безопасности является политическое сознание «как совокупность ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса»¹. Социально-политическое пространство детерминирует стремление индивида или группы адаптироваться к тем или иным

групповым политическим интересам. В этом процессе исключительно важную роль играют критерии морали и ценностные ориентации, трактовка политических событий в рамках эмоционально-нравственных предпочтений (особенно в параметрах «справедливо или несправедливо», «выгодно – не выгодно», «полезно – вредно» и т.д.). Такое восприятие политической реальности закономерно воспроизводит болезненные этнофобии, агрессивность, политическую апатию и бунтарство. Поэтому на государственном и теоретическом уровне необходимо выработать такую стратегическую политическую программу, которая бы соответствовала массовым настроениям, ожиданиям людей, способствовала консолидации общества в целях обеспечения политической стабильности и инновационного развития страны в условиях жесткой конкуренции на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. С. Кастальского и М. Рудакова. М.: Европа, 2010. С. 108.
2. Безуглый В.Ф. Конфликтная парадигма анализа экстремизма // Конфликтология. 2007. № 2. С. 169.
3. Бжезинский З. Большая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
4. Всеобщая Декларация прав человека (принятая 10 декабря 1948 г.), Декларация и Программа действий Форума тысячелетия, Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., Конвенция об охране и поощрении разнообразных форм культурного самовыражения от 20.10.2005.
5. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. 2013. № 4. С. 79.
6. Красиков В.И. Экстремизм: паттерны и формы. М.: Водолей, 2009. С. 12, 13, 14.
7. Мелешкина Е.Ю. Политическое сознание // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М., 2001. С. 132.
8. Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5.
9. Проблемы противодействия экстремизму в информационном пространстве полиэтничного социума (на материалах Юга России) / И.В. Юрченко, Д.Г. Котеленко, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – 208 с.
10. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 7, 8–9.
11. Экстремизм как цивилизационный вызов. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 11.

---

¹ Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 7.

EXTREMISM IN INFORMATION AND COMMUNICATIVE SPACE OF
MODERN SOCIETY PUBLIC POLICY

NATALYA YURCHENKO

PhD in Political Sciences, Head of the Laboratory of Political Analysis and Conflictological Examination of Problems of National and Regional Security, Kuban State University

Currently, extremism as a very aggressive form of behavior is not an ideologically homogeneous political trend. In this sense we can speak of a heterogeneous content of this phenomenon, including the so-called “social products” of the modern and postmodern society, on the one hand, and socio-cultural traditionalist elements – on the other.

ԷՔՍՏՐԵՄԻԶՄԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՀԱՆՐԱՅԻՆ
ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ (ՏԵՂԵԿԱՏՎԱԿԱՆ–ՀԱՂՈՐԴԱԿՑԱԿԱՆ ՏԻՐՈՒՅԹ)

ՆԱՏԱԼՅԱ ՅՈՒՐՉԵՆԿՈ

*Քաղաքագիտության թեկնածու, Կուբանի պետական համալսարանի
Քաղաքական վերլուծությունների ու ազգային և տարածաշրջանային
անվտանգության լաբորատորիայի ղեկավար*

Էքստրեմիզմը՝ իբրև վարքի ծայրահեղ ազդեցիվ ձև, այսօր չի դիտարկվում որպես գաղափարական միասեռ ինչ-որ քաղաքական հոսանք: Այդ իմաստով կարելի է խոսել այդ երևույթի հետերոգեն բովանդակության մասին, որը դրսևորվում է մի կողմից որպես, այսպես կոչված, մոդեռն և պոստմոդեռն հասարակության, մյուս կողմից՝ ազգային-ավանդույթային, սոցիոմշակութային ածանցյալում ստեղծված «սոցիալական արտադրանք»: